

Г. В. Кубарев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

gvkubarev@gmail.com

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНЕТЮРКСКОГО АРИСТОКРАТА ИЗ ХАР-ЯМАТЫН-ГОЛА (МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ) *

В 2007 г. совместная российско-монголо-корейская экспедиция исследовала компактный погребально-поминальный комплекс древнетюркской эпохи на территории Монгольского Алтая (Баян-Улэгэйский аймак МНР). Он включал в себя три археологических объекта в нижнем течении р. Хар-Ямаатын-Гол: поминальное сооружение древнетюркского аристократа с валом и рвом и два древнетюркских кургана (№ 8 и 10). В данной статье впервые полностью публикуются материалы раскопок мемориального комплекса. Исследованное поминальное сооружение имеет одно из самых интересных и неординарных каменных изваяний Монголии – с выгравированной ниже пояса жанровой сценой. Рядом с мужской было обнаружено основание другой скульптуры, вероятно, женской. Объект представлял собой оградку из вертикально вкопанных плит с каменным заполнением, окруженную валом и рвом, имевшими вытянутую эллипсоидную форму. Размер сооружения составил 17,6 × 20 м. Благодаря проведенному перекрестному радиоуглеродному и дендрохронологическому анализу образцов лиственничных стволов из мемориального комплекса Хар-Ямаатын-Гол стало возможным определение узкой даты его возникновения. Наиболее вероятным временем возведения поминального комплекса из Хар-Ямаатын-Гола является середина VII века – 655–660 гг. С этим хронологическим отрезком очень хорошо согласуется радиоуглеродная дата, полученная по кости лошади из женского древнетюркского погребения № 8 могильника Хар-Ямаатын-Гол. Подобную согласованность радиоуглеродных и дендрохронологических дат исследуемых объектов можно рассматривать как подтверждение гипотезы о принадлежности погребально-поминального комплекса супружеской паре.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, древние тюрки, мемориальный комплекс, изваяние, лиственничные столбы, дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование.

Исследование древнетюркских памятников на территории Монголии в целом и Монгольского Алтая в частности имеет большое научное значение вследствие их крайне слабой изученности. К настоящему времени в Монголии раскопано, по разным подсчетам, от двадцати до тридцати древне-

тюркских погребений, тогда как, например, на территории только Российского Алтая исследовано более двухсот раннесредневековых погребений. Поминальные комплексы древнетюркской знати в Монголии привлекали значительно большее внимание археологов (см.: [Войтов, 1996; Баяр, 2004]

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00344).

и др.), однако их изучение также находится в начальной стадии. Исследование древнетюркских памятников в Монгольском Алтае имеет особое значение еще и потому, что именно с этим регионом большинство ученых связывает наиболее ранний период истории и этногенеза древних тюрков.

В 2007 г. совместная российско-монголо-корейская экспедиция исследовала компактный погребально-поминальный комплекс древнетюркской эпохи на территории Монгольского Алтая (Баян-Улэгэйский аймак МНР). Он включал в себя три археологических объекта в нижнем течении р. Хар-Ямаатын-Гол: поминальное сооружение древнетюркского аристократа с валом и рвом и два древнетюркских кургана (№ 8 и 10), находящихся на одной и той же надпойменной террасе и удаленных от них приблизительно на 700 м к юго-востоку. Исследованное поминальное сооружение включает в себя одно из самых интересных и неординарных каменных изваяний Монголии (рис. 1). Оно не раз привлекало внимание ученых реалиями, которые на нем представлены, а также выгравированной ниже пояса жанровой сценой (рис. 2) (см.: [Баяр, 1997; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999; Кубарев, 1995] и др.). Несомненно, изваяние и сам комплекс почитались и почитаются в настоящее время местными жителями. Об этом свидетельствуют помещенные здесь рога и череп взрослого архара, череп козла, скопление бутылок и т. п. Археологические раскопки, среди прочего, должны были подтвердить или опровергнуть предполагаемую связь поминального сооружения с курганами № 8 и 10.

Предварительная информация о проведенных археологических раскопках публиковалась ранее (см., например, [Kubarev et al., 2009]), однако необходимость полного введения в научный оборот исследованных памятников, а также проведенное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование образцов из них заставляет обратиться к их интерпретации и рассмотрению¹.

Оградка поминального сооружения сложена из массивных сланцевых плит (по 3–4

Рис. 1 (фото). Изваяние древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (снято с ЮВ; без масштаба) (фото Г. В. Кубарева)

плиты на каждую сторону, средняя длина которых составляет 1–1,2 м) (рис. 3). Плиты толщиной около 10 см возвышаются над уровнем древней поверхности до 50 см. Как выяснилось впоследствии, они были вкопаны на глубину до 15–40 см. Частично плиты у западного и восточного углов отсутствуют, либо обломаны. Вероятно, одна из них была обнаружена задержанной в 2 м к северо-западу от оградки. Однако большинство плит сохранили свое почти первоначальное вертикальное положение и имеют лишь легкий наклон наружу. Многие камни, в особенности крупные, были выброшены за пределы оградки и лежали по всей площади, занимаемой валом и рвом. Особенно пострадала восточная половина оградки, поэтому бровку для нее решено было сместить к северо-западной стенке, с тем чтобы получить наиболее информативный стратиграфический срез с участка насыпи лучшей сохранности. Размеры собственно оградки

¹ Учитывая, что объем статьи не позволяет ввести в научный оборот весь древнетюркский погребально-поминальный памятник из долины р. Хар-Ямаатын-Гол, по двум исследованным курганам будет принята отдельная публикация.

Рис. 2 (фото). Жанровая сцена на изваянии (фото Г. В. Кубарева, без масштаба)

невелики: $4,4 \times 4,5$ м (см. рис. 3). Она ориентирована углами почти строго по сторонам света. Внутри сооружение заполнено мелкими и среднего размера камнями, среди которых много белых камней – кварцитов. Традиция помещения белых камней в древнетюркские поминальные оградки очень характерна для подобных памятников на территории Российского Алтая.

Изваяние сохранило свое первоначальное местоположение (вкопано в 1,3 м перед оградкой и ориентировано лицевой частью на ЮВ). В этом же направлении от оградки отходили два ряда балбалов. На оборотной стороне изваяния имеются современные выбивки. Однако некоторые слабо различимые фигуры животных могут быть древними и относиться к древнетюркской эпохе и более ранним периодам.

Размеры всего сооружения, включая вал и ров, впечатляют: 17,6 м (по линии СВ – ЮЗ) и 19–20 м (по линии ЮВ – СЗ). Оно имеет вытянутую эллипсоидную форму (рис. 4, 5). Оградку окаймляла площадка шириной в 2–3 м, которая перед изваянием

достигала 4 м. Раскопом было охвачено все сооружение, включая вал и ров. Бровка пересекала оградку и все сооружение перпендикулярно, по линии СВ – ЮЗ. На площади вала и рва бровку сопровождали две траншеи длиной 5–6 м, с помощью которых была прослежена глубина и ширина рва, ширина и высота вала. Еще одна траншея была пробита в поперечном направлении, по линии ЮЮВ – ССЗ.

С течением времени вал и ров сооружения сильно оплыли. Наиболее четко они прослеживались в северо-западном секторе. После проведения зачистки и удаления дернового слоя появилась возможность установить их точные контуры (см. рис. 4, 5). Заполнение рва выделялось более темным цветом грунта. Он, как выяснилось в ходе зачистки, был покрыт несколькими слоями мелкой гальки, которая визуально подчеркивала его и защищала от разрушения. Ширина рва составляла в среднем 1,2 м, при глубине до 0,75–0,85 м (рис. 6). Ширина вала 2–2,5 м, а его высота первоначально могла достигать 1–1,5 м. Перед изваянием вал и ров не смыкались и образовывали в направлении ЮВ и по ходу установки балбалов своеобразный проход (см. рис. 4, 5). В северной траншее, на дне рва (на глубине 71 см) обнаружены челюсть лошади и деревянная палочка².

В 1,1 м перед изваянием в направлении этого прохода зачищена вкопанная сланцевая плита, высота сохранившейся части которой составляла 20 см (см. рис. 4, 5). Верхняя, обломанная ее часть, размерами $110 \times 27 \times 10$ см, найдена неподалеку. Еще одна подобная стела ($78 \times 28 \times 8$ см) была найдена лежащей и задернованной в 50 см от вкопанного основания. Судя по сохранившемуся основанию одной из плит, с них начинались два ряда балбалов. Эти стелы находились перед изваянием, на площадке, окруженной рвом, тогда как первые балбалы установлены в проходе сквозь вал.

Первый сохранившийся балбал вкопан примерно в 2,6 м на ЮВ от плиты-стелы. Расстояние между двумя рядами балбалов составляло порядка 1,35 м. Протяженность одного из них, отходящего от мужской скульптуры, составляла 184,6 м. Первона-

² Лошадь домашняя *Equus Caballus d.*, взрослая особь (определение сделано научным сотрудником ИАЭТ СО РАН С. К. Васильевым).

начально он мог насчитывать до 77 вертикально установленных камней. Второй ряд, отходящий от предполагаемого женского изваяния, был намного скромнее – его длина около 59 м, а первоначальное число балбалов могло достигать 25. Средний интервал, через который они устанавливались, составлял 2,3 м. При этом часто балбалы были обработаны таким образом, что в сечении имели три грани. Кроме того, многие из них были островерхими и вкапывались более

массивной частью над землей. Их средние размеры составляли $70 \times 20 \times 10$ см. Подавляющее большинство из них было повалено, разбито, либо смещено с места своей первоначальной установки. Примерно в 108–110 м от изваяния ряд камней плавно поворачивал на север и заканчивался почти перпендикулярно изваянию – строго на север. В завершении ряда балбалов была обнаружена достаточно массивная плита, размерами $121 \times 38 \times 7$ см. Она была также повалена в древ-

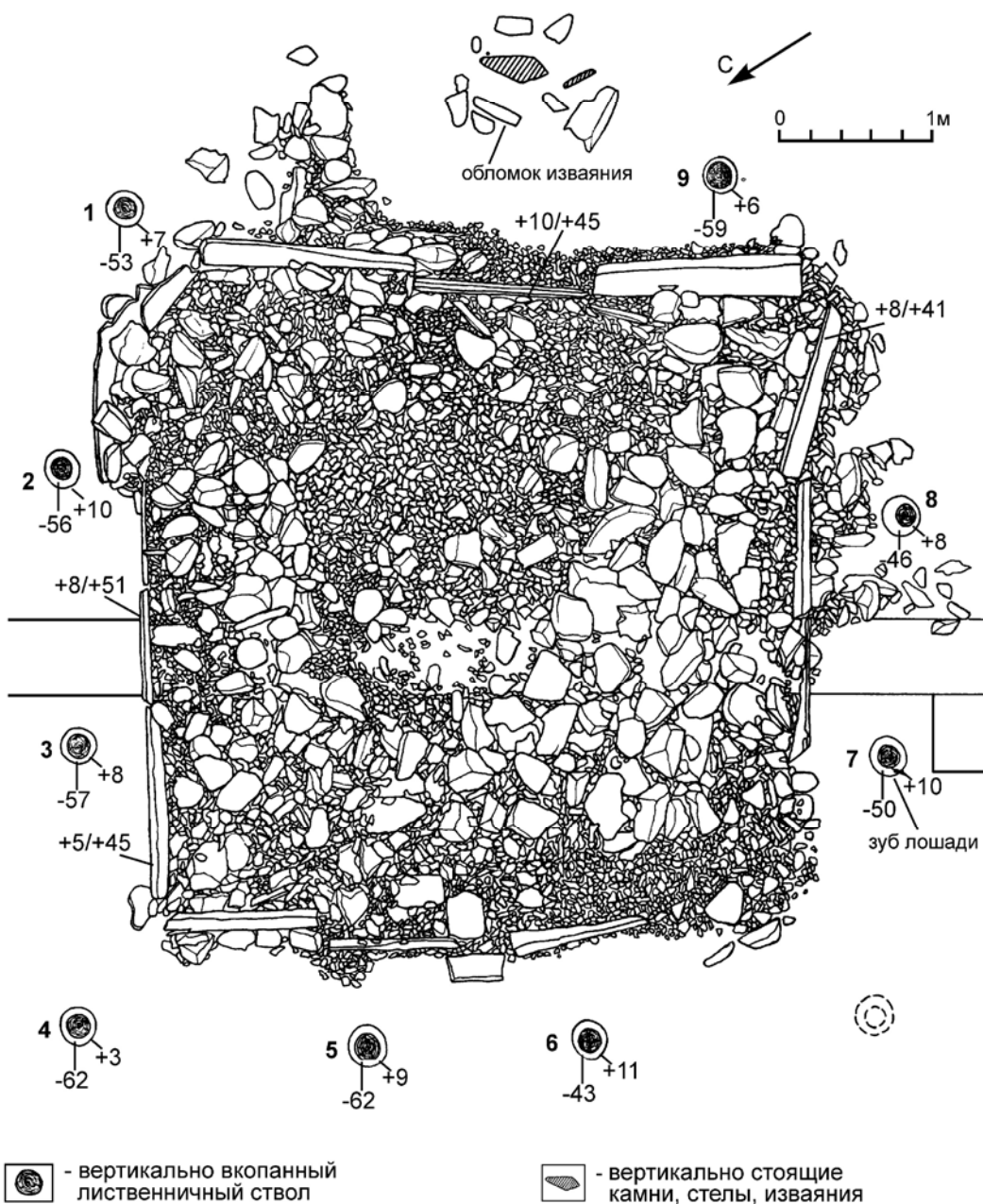

Рис. 3. План оградки и ее заполнения

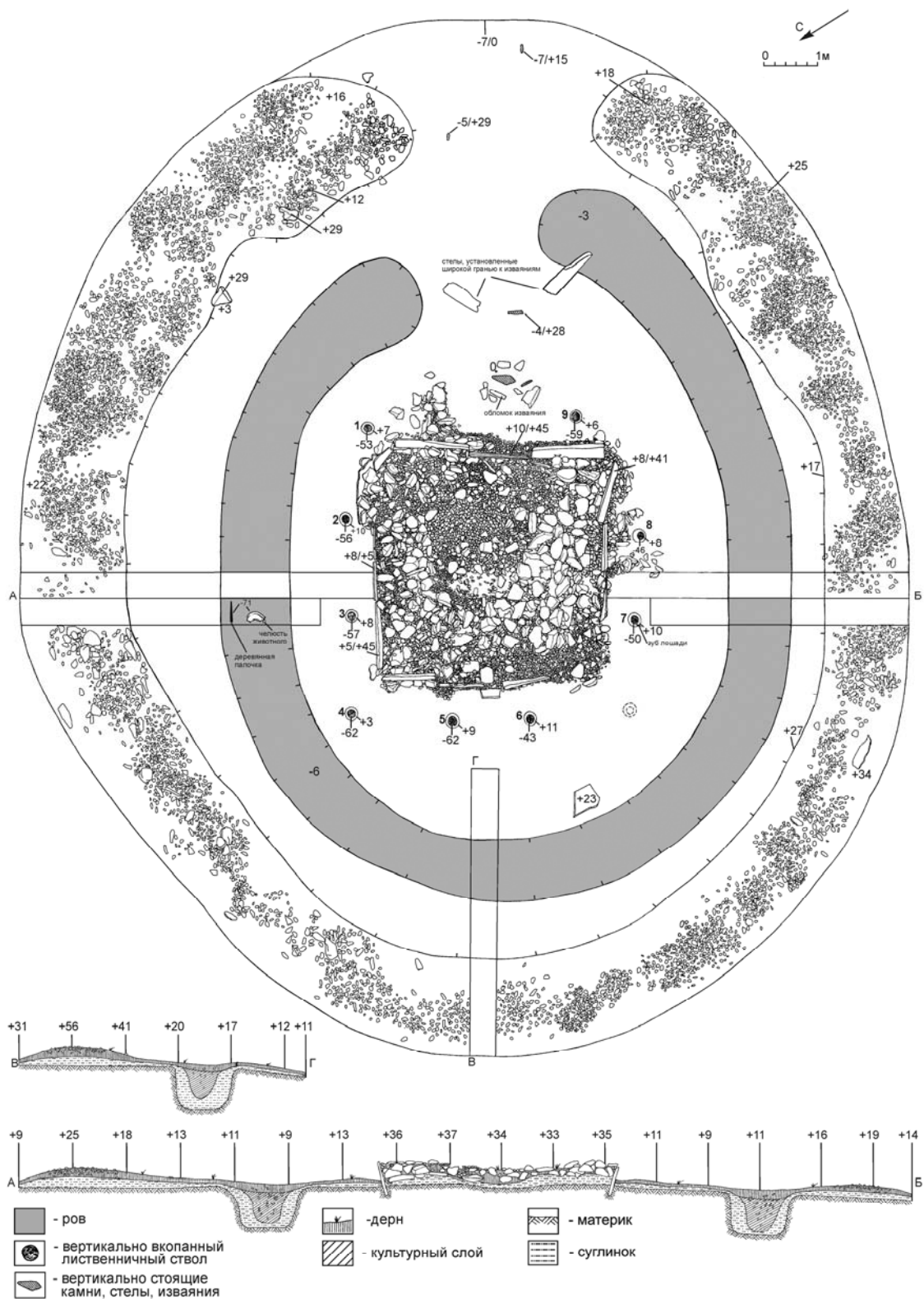

Рис. 4. План оградки с валом и рвом

Рис. 5 (фото). Зачищенное поминальное сооружение (снято с ЮВ)

ности и почти полностью задернована. Вокруг нее был заложен небольшой раскоп, она была полностью расчищена и позднее вертикально установлена.

Почти строго на восток от изваяния у ближнего края вала в 1,6 м друг от друга установлены два крупных валуна. И хотя вал и ров в этом месте не прерываются, создается впечатление, что эти камни маркировали собой вход и замещали фигуры баранов или львов, представленных в знатных поминальных комплексах древних тюрков.

В 20 см позади каменной скульптуры, на уровне древней поверхности, был найден ее обломок, воспроизводящий высокий островерхий головной убор. Рядом и несколько позади основного статуарного памятника обнаружено обломанное основание второго, меньшего по размерам изваяния, которое, судя по многим косвенным признакам, могло быть женским. Факт его нахождения объясняет наличие в комплексе двух стел, а также второго, более короткого ряда балбалов.

Размеры мужской скульптуры составляли $188 \times 47 \times 17$ см. Она была вкопана в землю на глубину 50 см. Обнаруженный в ходе раскопок фрагмент головного убора

Рис. 6 (фото). Общий вид на стратиграфический разрез северной бровки-траншеи (фото Г. В. Кубарева, снято с СВ)

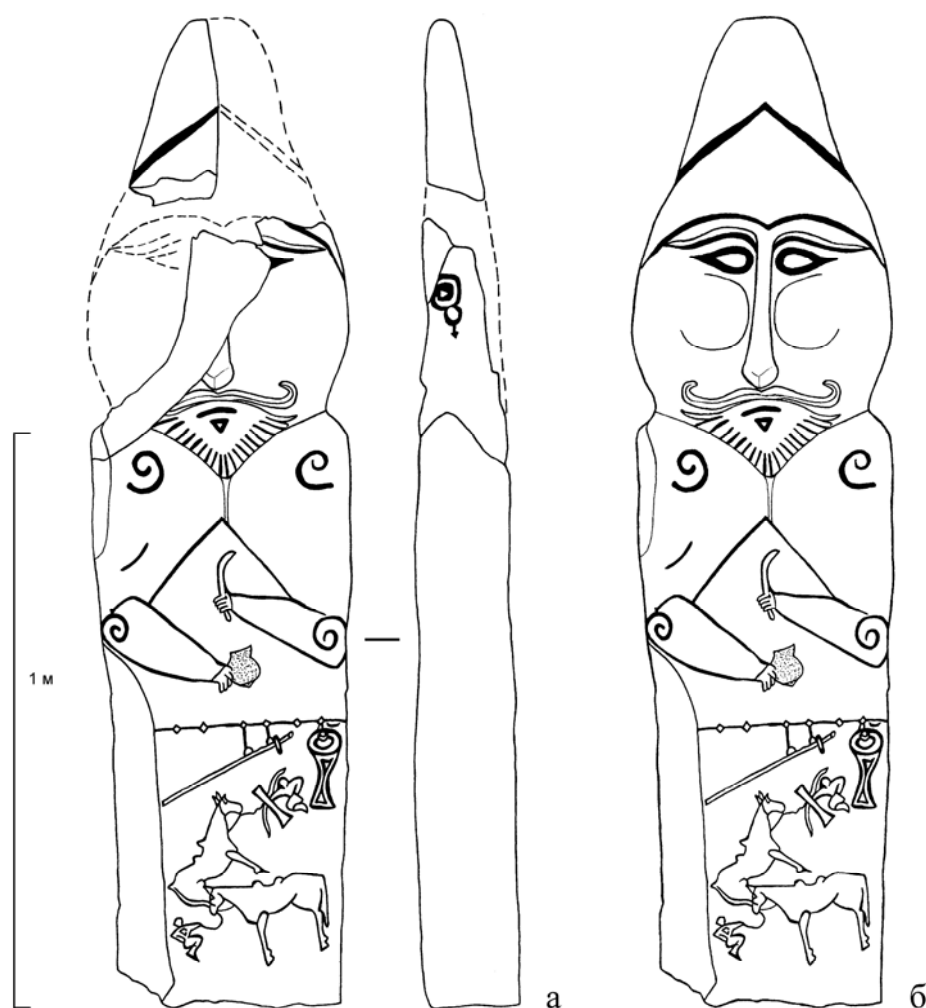

Рис. 7. Балбал с р. Хар-Ямаатын-Гол: а – графическая прорисовка изваяния; б – реконструкция

имел следующие габариты: $32 \times 15 \times 8,5$ см (рис. 7, а). Учитывая размеры головного убора, пропорции самой головы и тех деталей лица, которые сохранились на основной части изваяния, мы можем с достаточной степенью уверенности реконструировать его первоначальный облик (рис. 7, б). Изначальная надземная высота составляла порядка 1,7 м, а учитывая вкопанную часть камня – около 2,2 м. В ходе работ было осуществлено несколько различных вариантов прорисовок самой скульптуры и жанровой сцены, изображенной ниже пояса, предпринята тщательная фотофиксация, в том числе деталей изображений (см. рис. 2)³.

³ В данной статье нет обращения к анализу и интерпретации жанровой сцены, так как это тема отдельного исследования.

В результате удалось уточнить некоторые детали жанровой сцены и прорисовать ухо с серьгой (см. рис. 7, а). Изображение уха и серьги не заметил ни один из наших предшественников.

Сцена встречи двух спешенных всадников выполнена в изящной манере, с прорисовкой таких мельчайших деталей, как копыта и глаза лошадей, уздечные ремни, луки седел, сапоги и, возможно, намеченные отвороты-лацканы кафтана у одной из фигур (см. рис. 2). Передние конечности лошадей показаны замкнутой линией. В целом, черты лица, аксессуары костюма, оружие и жанровая сцена выполнены в едином стиле и в одной и той же технике (глубоким прошлифованным желобком). Сюжет гармонично вписан среди предметов, подвешенных к поясу. Все это лишний раз подтверждает

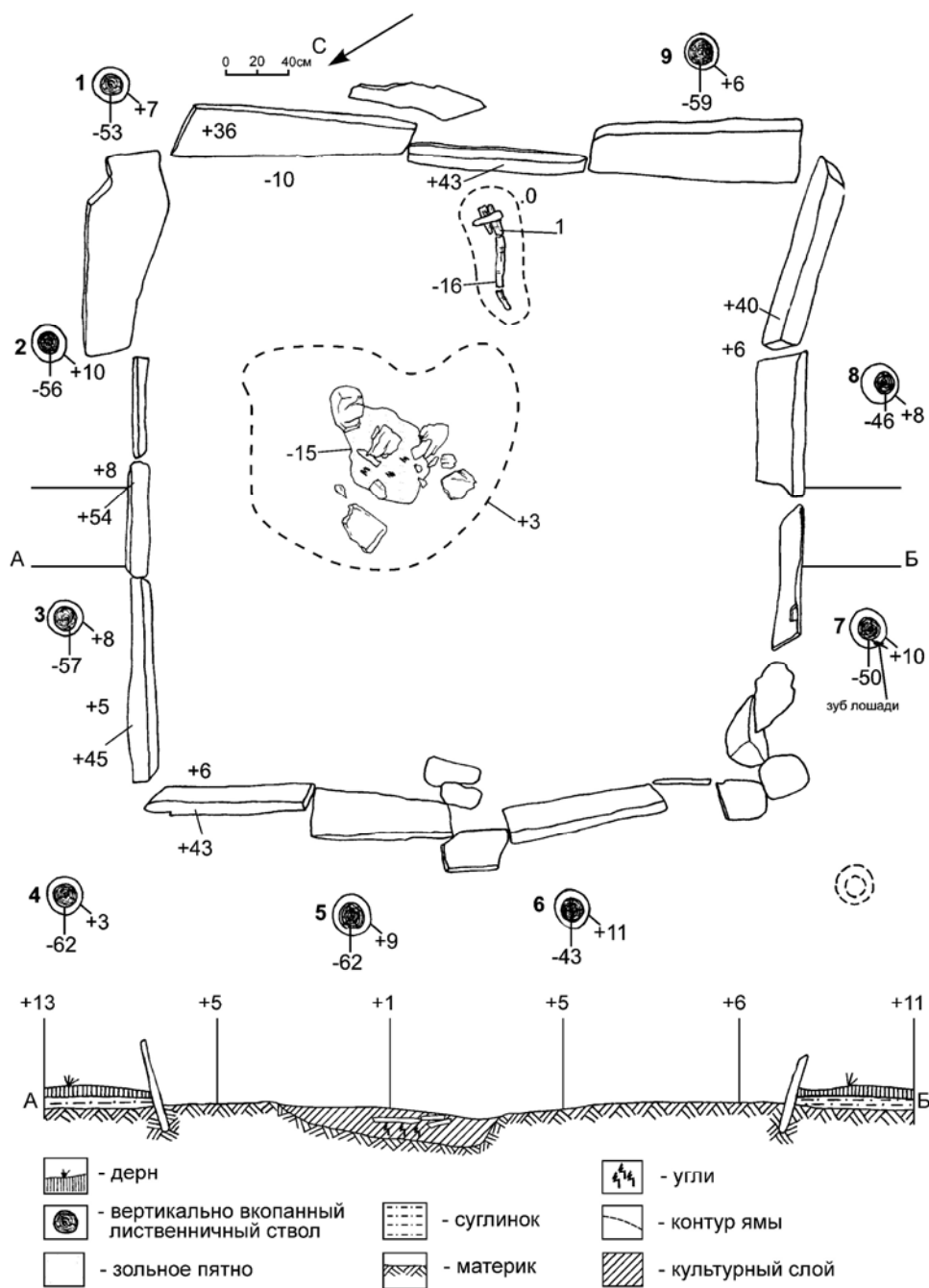

Рис. 8. Железное кайло на деревянной рукояти на плане оградки с ямой и зольным пятном

одновременность выполнения сцены и самого статуарного памятника.

После разборки заполнения оградки близ восточной стенки было зачищено несколько довольно крупных плит, уложенных плашмя. В центре оградки находилась еще одна массивная плита $100 \times 59 \times 12$ см. После ее снятия на уровне древней поверхности были

обнаружены небольшие сланцевые плитки и камни (рис. 8). Под ними зафиксировано мощное зольное пятно размерами $47 \times 25 \times 33$ см, угли и обожженное дерево. Близ восточной стенки оградки, на глубине 15 см от древней поверхности обнаружено массивное железное кайло на длинной деревянной рукояти (см. рис. 8, 9), оставленное,

Рис. 9. Железное землеройное орудие на длинной рукояти из поминального сооружения (фото и прорисовка)

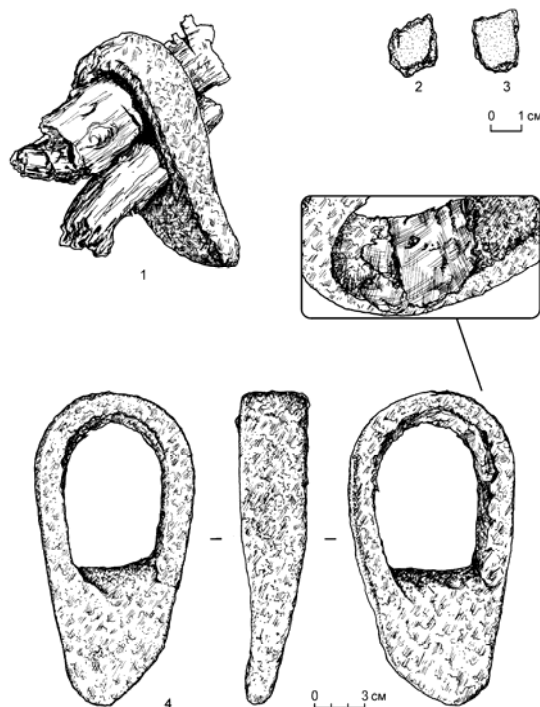

Рис. 10. Предметы из поминального сооружения: 1–2 – железное землеройное орудие, найденное в оградке; 3–4 – фрагменты керамики, найденные в непосредственной близости от поминального комплекса

очевидно, строителями поминального комплекса. Его длина вместе с рукоятью составляла 67 см (рис. 9). Для того чтобы кайло не соскакивало с рукояти, оно было заклинено дополнительным деревянным вкладышем (рис. 10, 1). Этой же цели, очевидно, служил и фрагмент грубой ткани, проложенный внутри отверстия кайла (рис. 10, 2).

В 2–3 м к северу от вала сооружения были обнаружены фрагменты керамики, которая, как представляется, относится к исследованному поминальному комплексу (рис. 10, 3–4).

По периметру оградки, с внешней стороны, зачищены основания девяти лиственничных столбов (см. рис. 3, 8). Они были вкопаны по определенной схеме и через одинаковые промежутки. От стенок каменного сооружения они отстояли на 42–55 см. Интервалы между столбами составляли 1,5–1,55 м. В целом, они повторяли конфигурацию оградки, только два столба у восточной стенки были несколько смещены ближе к изваянию. Лиственничные стволы, диаметром 13–16 см и сохранившейся длиной 60–70 см были вкопаны в узкие (диаметр 22–25 см) ямки. Почти все они были вкопаны на значительную глубину (до 65–70 см) и практически не забутованы камнями. Нижняя часть всех лиственничных стволов, помещенная в землю, предварительно обжигалась. Многие из них в нижней части были слегка заострены. И то и другое предпринято устроителями поминального комплекса для лучшей сохранности древесины в земле. В ямке столба № 7 обнаружен зуб лошади.

Учитывая, как были вкопаны лиственничные столбы, у западного угла оградки также первоначально должен был находиться еще один ствол. Однако самые тщательные его поиски не увенчались успехом. Очевидно, он был смещен со своего первоначального местоположения еще в древности. Таким образом, первоначально количество столбов должно было составлять 10 экземпляров. Надо думать, что при такой глубине вкапывания лиственничные столбы являлись опорой для конструкции каркасного типа в виде навеса с крышей.

По окончании раскопок вся изученная площадь, включая вал и ров, была тщательно рекультивирована. Это было сделано и в отношении двух рядов балбалов – уцелев-

шие и поваленные камни заново вертикально установлены.

Впервые подобное древнетюркское поминальное сооружение с валом и рвом было исследовано целиком, включая зачистку пространства вала и рва. В ходе раскопок получен стратиграфический разрез всего памятника. Строительство поминального комплекса начиналось с рытья рва и сооружения вала и площадки для будущей оградки. Предварительно пространство размечалось, земля из достаточно глубокого рва шла на насыпку вала и для возвышения под оградку. И уже затем сооружалась оградка, вкапывались лиственничные столбы для возведения навеса, на вал дополнительно насыпалась мелкая галька.

Как само изваяние, так и собственно все мемориальное сооружение подверглось значительному и преднамеренному разрушению еще в древности. Голова мужской скульптуры большей частью сколота. Некоторые плиты оградки вывернуты, либо обломаны, ее каменное заполнение (особенно восточной половины) выброшено за ее стенки. Обломано второе изваяние, сломаны или повалены стелы и подавляющее большинство балбалов. О том, что это произошло в короткий исторический период вскоре после возведения сооружения (в течение 1–2 столетий?), свидетельствует факт задревнечности обломка изваяния и всех поваленных стел и балбалов. Не исключено, что разрушение большинства древнетюркских поминальных сооружений следует связывать с событиями конца I тыс., т. е. с кыргызской экспансией.

Еще до проведения раскопок погребально-поминального комплекса в долине р. Хар-Ямаатын-Гол автором было высказано предположение, что древнетюркские курганы № 8 и 10, а также мемориальное сооружение с валом и рвом связаны между собой и могли быть посвящены супружеской паре. Несмотря на отсутствие погребения в одном из исследованных курганов, это предположение по-прежнему имеет право на существование. Курган № 10, судя по планиграфическим особенностям и очень необычной конструкции насыпи, аналогичной насыпи кургана № 8, несомненно, принадлежит к древнетюркской эпохе и близок по времени сооружения к женскому погребению кургана № 8. С уже известными парными захоронениями, раскопанными на территории Рос-

сийского Алтая, курганы из долины р. Хар-Ямаатын-Гол сближает не только расположение с восточной стороны от цепочки пазырыкских курганов, но и такая почти этнографическая особенность, как наличие с восточной стороны от женского кургана цепочки из поминальных колец. Таким образом, курган № 10, имеющий символическое и кенотафное назначение, можно с определенной долей уверенности считать мужским. Это предположение косвенно подтверждает факт наличия дарственных предметов в обоих курганах – женского перстня в насыпи кургана № 10, который мы рассматриваем как символическое мужское погребение, и очень редкой находки оружия – кинжала в женском погребении кургана № 8. Обычай жертвоприношения-дарения близким и умершим родственникам предметов у древних тюрков фиксировался и раньше по отдельным погребениям.

Эту гипотезу и связь двух древнетюркских курганов с поминальным сооружением подтвердили результаты раскопок последнего. Обломанное основание второго изваяния, обнаруженное рядом с основным, а также второй, более короткий ряд балбалов, идущий параллельно основному ряду, свидетельствуют о том, что величественное поминальное сооружение было посвящено мужу и жене, а найденное основание изваяния принадлежало женщине. Несомненно, исследованный мемориальный комплекс в долине Хар-Ямаатын-Гола был возведен в честь древнетюркского аристократа. Следует упомянуть, что скульптуры тюркских каганов в их поминальных храмах сопровождали скульптурные изображения катун – жены кагана. Смотрящее почти на восток, в сторону курганов № 8 и 10, изваяние (а первоначально в поминальном комплексе их было два), а также отходящие два ряда балбалов в том же направлении символизируют и подчеркивают связь поминального и погребального комплексов. Примеры того, что древнетюркские курганы и поминальные сооружения находятся в относительной близости, связаны друг с другом и образуют единый комплекс, достаточно редки для центрально-азиатского региона.

Устройство вокруг поминальной древнетюркской оградки вала и рва является несомненным признаком знатности и высокого социального статуса лица, в честь которого она сооружена, и в конечном счете восходит

к традиции возведения вала и рва вокруг поминальных комплексов высшей древнетюркской знати и каганов. В Монгольском Алтае, кроме комплекса в долине р. Хар-Ямаатын-Гол, известны и другие мемориалы знатных тюрков, окруженные валом и рвом – Сыргаль, Шар-Булак и др. [Кубарев, Цэвээндорж, 2002. С. 91. Рис. 17]. Наиболее близкими памятниками из Северной Монголии по составу структурных элементов сооружению из Хар-Ямаатын-Гола является группа объектов I типа [Войтов, 1996. С. 27–48]. В целом, в Северной Монголии поминальные сооружения древнетюркской кочевой аристократии отличаются наибольшим количеством и разнообразием. Эта вариативность объясняется сложной иерархической стратификацией общества древних тюрков: «Все остальные военные, а также “приказные” чины получали после смерти право на устройство поминального памятника определенных размеров, формы, состава структурных элементов, но без стел» [Там же. С. 67].

На территории Российского Алтая известно десять поминальных памятников древнетюркской знати с валом и рвом (аютинский тип оградок) [Кубарев, 1984. С. 51–55]. Как правило, вал и ров имеют прямоугольную или квадратную форму, реже овальную или округлую, как и в Хар-Ямаатын-Голе. Изваяния, установленные на таких памятниках, отличаются большой реалистичностью, проработанностью деталей в изображении черт лица, костюма, оружия и т. п. [Там же. Табл. XXXIII, 198, 199; XXXIV, 203; XLI, 229]. Последнее также является доводом в пользу знатности и высокого положения лиц, в честь которых установлены эти мемориалы. На территории Российского Алтая раскопано три подобных памятника. Два из них (Малталу и Макажан) [Там же. 1984. Табл. XXX; XLI, 229] отличаются несколько более скромными размерами (9×9 , 16×17 м) по сравнению с поминальным комплексом из Хар-Ямаатын-Гола. Третий исследованный комплекс (Аржан-Бугузун), размеры вала и рва которого составляют 32×36 м, резко отличается от уже упомянутых наличием округлых насыпей внутри сооружения (без ям и погребений), отсутствием изваяний и балбалов. Вероятно, это сооружение имело поминальный характер, и оно близко по своим характеристикам объекту с валом и рвом у с. Улаган. На древнетюркских ме-

мориалах Монголии, приписываемых эпохе Первого Тюркского каганата (Идэрский, Бугутский комплексы), внутри вала и рва также заключена курганная насыпь и отсутствуют статуарные изображения. Подобные особенности некоторых монгольских и алтайских мемориалов могут свидетельствовать о начальном этапе формирования «классической» модели поминальных сооружений древнетюркской знати, к числу которых принадлежит и комплекс из Хар-Ямаатын-Гола.

В юго-западной и юго-восточной Туве известно по меньшей мере четыре поминальных сооружения высшей знати древних тюрков [Кызласов, 1969. С. 33–35]. По своим характеристикам они достаточно близки мемориальному комплексу из Хар-Ямаатын-Гола. Особый интерес представляют остатки сооружения в комплексе у пос. Сарыг-Булун. По мнению Л. Р. Кызласова, 13 глубоко врытых деревянных столбов первоначально представляли собой части деревянной юрты-святилища [Там же. С. 33]. Однако эти столбы вполне могли быть элементами каркасной конструкции, имеющей крышу (навес), подобную той, столбы от которой зафиксированы в Хар-Ямаатын-Голе.

До проведения археологических раскопок данного мемориального комплекса главным основанием для датировки скульптуры и самого этого памятника выступала жанровая сцена, выгравированная под поясом изваяния. Она по таким элементам, как коленопреклоненность человеческих фигур, отдельно находящиеся колчаны и налучья, сравнивалась, как правило, со знаменитой сценой на кудыргинском валуне. Д. Г. Савинов считает, что число древнетюркских изваяний VI–VII вв. в Центральной Азии и Южной Сибири незначительно, а одной из особенностей раннетюркских изваяний является воспроизведение на них повествовательных или жанровых сцен [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 122–124, Табл. VIII, IX]. Это позволяло датировать как саму сцену, так и изваяние из Хар-Ямаатын-Гола ранним периодом истории древних тюрков – VI–VII вв. Этому, в целом, не противоречили и нестандартные реалии, изображенные на изваянии, в частности пояс с мелкими бляшками ромбической формы. Однако перекрестное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование образцов лиственницы из мемориального комплекса

Даты C¹⁴ для древнетюркского поминального сооружения в долине р. Хар-Ямаатын-Гол,
полученные по годичным кольцам деревьев

№ п/п	Название памятника, номер объекта	Лабораторный индекс	Дата C ¹⁴ , (BP)	Дата калиброванная, интервал, cal AD		Дата wiggle-matching, интервал, cal AD		Материал
				(1σ)	(2σ)	(1σ)	(2σ)	
1	Хар-Ямаатын-Гол, оградка с валом и рвом	SOAN-8965	1 395 ± 68	576-681	437-444 472-486 535-772	594-645	568 660 666-678	лиственничный ствол № 1, годовые кольца 1–40
2	– " –	SOAN-8966	1 364 ± 72	606-712 744-764	542-778 790-828 838-864	634-685	608-700 706-718	лиственничный ствол № 1, годовые кольца 41–80
3	– " –	SOAN-8967	1 322 ± 56	654-718 742-766	609-778 790-827 840-863	674-725	648 740 746-758	лиственничный ствол № 1, годовые кольца 81–120
4	– " –	SOAN-8968	1 285 ± 65	657-776 794-798	642-890	714-765	688-780 786-798	лиственничный ствол № 1, годовые кольца 121–160

Хар-Ямаатын-Гол, в том числе с использованием методики wiggle-matching (см. таблицу)⁴, существенно скорректировало эту интерпретацию и предположительную датировку. Стало возможным определение узкой даты сооружения. Наиболее вероятным временем возведения поминального комплекса древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола является середина VII в. – 655–660 гг.

Благодаря названной методике удалось сузить хронологические интервалы образцов исследованного листовичного ствола № 1, каждый из которых насчитывает 40 годовых колец. Последние годовые кольца (№ 121–160) были датированы 714–765 гг. С этим результатом полностью согласуется радиоуглеродная дата, полученная по кости лошади из женского погребения № 8 из Хар-Ямаатын-Гола. Если ориентироваться на дату, полученную по первой сигме, то это погребение было совершено в интервале 651–767 гг. Учитывая территориальную близость исследуемых объектов и предположение об их вхождении в единый погребально-поминальный комплекс супружеской пары, можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что погребение в кургане № 8 было совершено в 655–660 гг. Подобную согласованность радиоуглеродных и дендрохронологических дат этих сооружений можно рассматривать как подтверждение нашей гипотезы об этих памятниках как едином погребально-поминальном комплексе супружеской пары.

Установление узкой даты возведения поминального сооружения древнетюркского аристократа из долины р. Хар-Ямаатын-Гол сложно переоценить. Несмотря на отсутствие ярких археологических артефактов, точное датирование данного комплекса сможет в дальнейшем помочь в выявлении и датиров-

ке целого ряда подобных мемориальных сооружений древних тюрков на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Такие особенности этого мемориального объекта, как сооружение вала и рва, постройки каркасного типа над оградкой, рядов балбалов и др., имеют многие поминальные сооружения древнетюркской знати.

Большое значение имеет узкая датировка самого изваяния и тех реалий, которые воспроизведены на нем (пояс из необычных ромбических блях, клинковое оружие, жанровая сцена). В настоящий момент можно утверждать, что традиция изображения жанровых сцен на древнетюркских изваяниях была характерна для раннего периода VI–VII вв. Несомненно, необходима дальнейшая работа по исследованию поминальных памятников древних тюрков и датированию их методами естественнонаучных дисциплин.

Список литературы

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь тургийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 1997. 148 с.

Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 73–84.

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 1999. 166 с.

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 151 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В. Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 158–162.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1. С. 76–95.

⁴ Автор благодарит Л. А. Орлову за проделанную работу по радиоуглеродному датированию образцов листовичных стволов, а И. Ю. Слюсаренко – за сопоставление радиоуглеродных и дендрохронологических данных по методике wiggle-matching и за возможность использовать эти данные, представленные в табличной форме. Более подробно результаты перекрестного дендрохронологического и радиоуглеродного датирования древнетюркских поминальных оградок, и в том числе поминального сооружения из Хар-Ямаатын-Гола, будут представлены в отдельной публикации.

Кызласов Л. П. История Тувы в средние века. М: Изд-во МГУ, 1969. 212 с.

Kubarev G. V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai

// Current archaeological research in Mongolia. BCAA. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. Vol. 4. S. 427–435.

Материал поступил в редколлегию 10.08.2015

G. V. Kubarev

*Institute of Archaeology and Ethnography of the SB of the RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

gvkubarev@gmail.com

A MEMORIAL COMPLEX OF ANCIENT TURKIC ARISTOCRAT ON THE KHAR-IAMAATYN-GOL (MONGOLIAN ALTAI)

Purpose. This article provides the results of archaeological excavations of a memorial complex located on the River Khar-Iamaatyn-Gol in the Mongolian Altai Mountains and new dating of the findings. Research of ancient Turkic monuments in the Mongolian Altai Mountains is of particular importance because of insufficient information about ancient Turkic monuments in the region and the great role that his region played in the ethnogenesis of ancient Turks during the earliest period of history. During the field season in 2007, a joint Russian-Mongolian-Korean expedition undertook archaeological research on the territory of the Baian-Ulygei aimag located in the Mongolian Republic. Three ancient monuments were excavated in the downstream reach of the River Khar-Iamaatyn-Gol in the Mongolian Altai: a memorial of an ancient Turkic aristocrat with outstanding stone sculptures and two ancient Turkic burial mounds.

Results. The memorial complex with an earthwork and a ditch is located on the same terrace as the burial mounds, approximately 700 m to the south-east of them. The mortuary enclosure measures 4,4 × 4,5 m. The size of the whole complex including the earthwork and the ditch is quite impressive, 17,6 m from north-east to south-west and 19–20 m from south-east to north-west. After taking off all the stones from inside the mortuary enclosure, we discovered an ash pit at the level of the ancient surface, located in the centre. Near the eastern wall of the enclosure a massive iron pick with a long wooden handle was found. On the outside perimeter of the enclosure we found bottom parts of nine larch columns. Slightly burnt, they had been dug to a significant depth of 65–70 cm and at a definite interval. Obviously, they used to make columns for a canopy. Facing almost east, in the direction of the two kurgans, there was a sculpture erected (originally there were two sculptures in this memorial complex) and two rows of so-called balbals facing also the east. The balbals, which make a row of vertically erected stones, were set up alongside the two kurgans, too, on their east-southern side. It is symbolic and emphasizes the connection between the memorial and burial complexes. Close to the main sculpture of the complex under investigation, that of a man, we found the bottom part of a second, smaller sculpture, which was broken. The construction features of the entire memorial complex were carefully studied, which allows us to reconstruct it fully in the future.

Conclusion. The bottom part of the second, broken sculpture found must have belonged to a sculpture of a woman. The second parallel row of balbals, shorter than the «man's» row, led to this woman's sculpture and confirmed that this majestic memorial complex had been devoted to a husband and his wife. Undoubtedly, the memorial temple that was excavated in the valley of the River Khar-Iamaatyn-Gol belonged to an ancient Turkic aristocrat. It is necessary to draw a parallel with the fact that sculptures of Turkic kaghans in their memorial temples were accompanied by a sculptural image of khatun, the kaghan's wife. The two ancient Turkic burial mounds and the memorial complex of the ancient Turkic aristocrat in the valley of the River Khar-Iamaatyn-Gol were erected at approximately the same time. For more exact dating, we used methods of dendro-chronological

and radiocarbon dating, which agreed to a high degree. According to radiocarbon investigation of tree-ring samples and some horse bones from the ancient Turkic monuments in the valley of the Khar-Iamaatyn-Gol, the most possible date of the construction of the complex and the mounds is 655–660 AD.

Keywords: Mongolian Altai, ancient Turks, memorial complex, sculpture, larch trunk, dendrochronological and radiocarbon dating.

References

Bayar D. *Mongolyn tov nutag dakh' turegiin khun chuluu [Turkic stone sculptures of Central Mongolia]*. Ulan-Bator, Institute of history of AS MPR Publ., 1997, 148 p. (in Mongol.)

Bayar D. Novye arkheologicheskie raskopki na pamyatnike Bil'ge-kagana [New archaeological excavations on the monument of Bil'ge-kagan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 2004, no. 4, p. 73–84. (in Russ.)

Bayar D., Erdenebaatar D. *Mongol altain khun chuluun khoshoo [Stone sculptures of Mongolian Altai]*. Ulan-Bator, Institute of history of AS MPR Publ., 1999, 166 p. (in Mongol.)

Voitov V. E. *Drevnetyurskii panteon i model' mirozdaniya v kul'tovo-pominal'nykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII vv. [Ancient Turkic pantheon and model of universe in the cult-memorial monuments of Mongolia in VI–VIII c.]*. Moscow, State Museum of East Publ., 1996, 151 p. (in Russ.)

Klyashtorni S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii Evrazii [Steppe empire of Eurasia]*. St.-Petersburg, Farn Publ., 1994, 165 p. (in Russ.)

Kubarev V. D. *Drevnetyurskie izvayaniya Altaya [Ancient Turkic sculptures of the Altai]*. Novosibirsk, Nauka, 1984, 230 p. (in Russ.)

Kubarev V. D. Izvayanie s reki Khara-Yama [Sculpture from the river Khara-Yama]. *Problemy okhrany, izycheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya [The problems of protection, study and using of cultural heritage of Altai]*. Barnaul, AltGU Publ., 1995, p. 158–162. (in Russ.)

Kubarev V. D., Tseveendorzh D. Drevnetyurskie memorialy Altaya [Ancient Turkic memorials of Altai]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 2002, no. 1, p. 76–95. (in Russ.)

Kyzlasov L. R. *Istoriya Tuvy v srednie veka [The history of Tuva in the Middle Ages]*. Moscow, MGU Publ., 1969, 212 p. (in Russ.)

Kubarev G. V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai. *Current archaeological research in Mongolia. BCAA*. Bonn, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009, vol. 4, p. 427–435.